

A young girl with a braid is seen in profile, looking out of a window. The window is covered in rain droplets. Outside, a cobblestone path leads through a village street lined with wooden houses. Warm lights are visible inside the houses, contrasting with the dark, cloudy sky.

Кристина Ястребова

О том, что видела Мирэль:
записки, коих не должно быть

Кристина Ястребова

**О том, что видела Мирэль:
записки, коих не должно быть**

«Автор»

2026

Ястребова К. А.

О том, что видела Мирэль: записки, коих не должно быть /
К. А. Ястребова — «Автор», 2026

Есть такие мгновения, когда привычное вдруг становится чужим. Тропинка, по которой бегала в детстве, вдруг кажется не твоей. Дом, который всегда был просто домом, теперь смотрит. А девочка в окне — то ли призрак, то ли отражение собственной вины, то ли ключ к разгадке. Мирэль видит расколотую душу: одна её часть поёт чужую, тяжёлую песню, другая — тихо плачет в углу, и слёзы её растворяются в воздухе. Гребень с оберегом едва светится, удерживая трещину в мире, но чем сильнее она старается всё понять, тем тоньше становится грань между видением и безумием. А шёпот всё повторяет: «Чтобы вся деревня передохла». И самое жуткое — что эти слова начинают звучать уже не снаружи, а внутри её головы.

Содержание

Глава I	5
Когда земля стала чужой	5
.....	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Кристина Ястребова

О том, что видела Мирэль: записки, коих не должно быть

Глава I

Когда земля стала чужой

.....

Мирэль — двадцатилетняя девушка с рыжими волосами, вернувшаяся в родную деревню, где прошло её детство. Её мать погибла при невыясненных обстоятельствах, и единственное, что у неё осталось на память, — старинный гребень с янтарной вставкой. С ним связана какая-то тайна: временами он будто отзывается на её тревогу.

День стоял такой спокойный, что от этого становилось не по себе — будто тишина нарочно притворялась доброй, чтобы никто не догадался, что вот-вот случится беда. Солнце грело ровно, как по расписанию, пыль кружилась в лучах, и всё было на своих местах: калитка там, где ей положено, забор ровно там, где его ставили деды, тропинка привычно виляла между домами. И оттого, когда Мирэль проходила мимо старого дома, ей показалось, что он смотрит на неё. Не глазами, конечно, — но тем самым взглядом, который чувствуешь затылком: тяжёлым, пристальным, будто дом знает о тебе больше, чем ты сам.

Она остановилась не потому, что хотела, а потому, что ноги сами отказались идти дальше — будто земля под ними вдруг стала чужой, не той, по которой она бегала в детстве. И тут она увидела её.

В окне стояла девочка лет девяти. Лицо у неё было бледное, почти прозрачное, а глаза — огромные, полные такой мольбы, что у Мирэль внутри всё сжалось, как от чужого крика.

— Выпусти меня, — прошептала девочка, и голос её прозвучал так, будто слова царапали ей горло изнутри. — Пожалуйста... я не хочу, чтобы это повторилось...

И в ту же секунду мир треснул.

Туман ударил не как дождь и не как ветер — он ударил как удар кулаком в грудь: резко, плотно, без предупреждения. Он не стелился, он поглощал. В одну секунду он съел забор, во вторую — крыши, в третью — сам воздух, и теперь Мирэль стояла в непроглядной черноте, где нельзя было понять, где верх, где низ, где свои, где чужие. Самое страшное было не в том, что она ничего не видела, а в том, что она перестала слышать. Ни скрипа калитки, ни далёкого смеха, ни даже собственного дыхания — только глухой, плотный вакуум, в котором страх становился громче любого крика.

Мирэль смотрела на дверь. Та была старой, разохшейся, покрытой слоем пыли, будто её не открывали годами. На двери темнел тяжёлый замок, а поверх — лежал толстый слой воска, застывшего неровными каплями. Воск был свежим: в нём ещё чувствовалось тепло, будто его налили совсем недавно, чтобы запечатать не просто дом, а саму возможность спасения. И от этого воск казался страшнее любого засова: это была печать, которая говорила: «Здесь нельзя быть».

Девочка вдруг поняла, что Мирэль не откроет дверь. Что она не может её открыть — не из жестокости, а потому что сама не знает, как сломать эту печать, как не выпустить наружу

то, что за ней прячется. И в тот момент, когда надежда в её глазах погасла, они вспыхнули красным — не как у зверя, а как угли, в которые дунули, чтобы разжечь. Она метнулась к стеклу, ударилась о него головой, уголки губ потянулись вверх и глаза перестали моргать.

А потом девочка запела.

Не громко, не с вызовом, а так, будто песня была не её, а чужой, тяжёлой, которую она вынуждена нести. «Ла-ла... Скоро она найдет тебя» — и эти простые звуки вдруг стали острыми, как осколки. Они резали воздух, резали тишину, резали саму ткань мира.

Как только зазвучали первые ноты, всё вокруг превратилось в чёрную дыру. Не в туман даже, а в отсутствие всего: света, пространства, времени. Остались только стекло, красное свечение в глазах девочки и этот голос, который теперь звучал не из комнаты, а будто из самой пустоты.

Издалека, откуда-то из-за границы этого небытия, начал проступать шёпот. Он был ровным, размеренным, как счёт, и оттого ещё страшнее: «Чтобы вся деревня передохла...» Слова ложились одно за другим, как камни в стену, отрезая деревню от остального мира. И самое жуткое было в том, что Мирэль вдруг почувствовала, как эти слова начинают звучать не снаружи, а внутри её головы — будто ритуал уже добрался до неё, и теперь она сама становилась частью этого шёпота. Ей захотелось закричать, чтобы заглушить его, но она знала: если она закричит, голос девочки станет громче, а чёрная дыра — шире.

Внутри дома, на полу у стены, лежал нож. Старый, с потемневшей рукоятью, с лезвием, на котором тускло играли отблески этого неестественного света. Тот самый нож, которым ведьма убила девочку для ритуала — не из ненависти, а из расчёта, как режут курицу, чтобы накормить гостей. И рядом с ним, в углу, сидела тень девочки — та самая, настоящая, не злобная, не пылающая, а просто маленькая, потерянная. Она сидела, обхватив колени, и тихо плакала, и её слёзы не падали на пол, а растворялись в воздухе, становясь ещё одной каплей этой всеобщей печали.

Мирэль дрожала. Не от холода — холод тут был не физический, а тот, что пробирается под кожу и остаётся там навсегда. Её трясло от понимания: перед ней не просто призрак, не просто проклятие. Перед ней расколота душа — одна часть поёт, выполняя чужую волю, другая плачет, помня себя. И если Мирэль сделает хоть одно неверное движение, обе части исчезнут, и деревня останется одна с этим шёпотом.

Пальцы её сами сжали гребень, и мятные камушки вспыхнули — не ярко, а тускло, как свет спички в бурю: его почти не видно, но он даёт точку опоры. Мирэль стояла, и её била дрожь, и она ничего не могла с этим поделать. Но она не отвернулась. Она смотрела на девочку в окне и шептала про себя: «Я здесь. Я вижу тебя. Даже если я не знаю, как помочь, я не оставляю тебя одну».

И в этот момент, когда казалось, что тьма победила, что ритуал уже завершён и деревня обречена, мир дёрнулся. Как будто кто-то резко сдёрнул покрывало. Туман исчез так же внезапно, как появился. Чернота схлопнулась, и солнце снова залило улицу тёплым, будничным светом. Тени легли привычно, пыль снова стала просто пылью, и даже старый дом теперь выглядел не зловещим, а просто заброшенным, уставшим.

Но Мирэль знала: она видела. Видела воск на замке, видела нож, видела плачущую тень. И теперь самое страшное было не в том, что это было, а в том, что никто ей не поверит. Потому что в этом солнечном свете всё выглядело так, будто ей просто померещилось.

Она медленно опустила руку, в которой всё ещё был зажат гребень. Камушки уже не светились, но в пальцах осталось странное ощущение — будто они ещё хранили в себе холод той черноты, и если сейчас отпустить их, холод перетечёт в сердце и останется там навсегда.

И тут она заметила одну деталь, от которой у неё внутри всё оборвалось.

На замке не было воска.

Ни свежих капель, ни старых подтёков — ничего. Только старая, выцветшая древесина и тонкий слой пыли, который лежал там годами. Замок висел на петлях, но он был ржавым и явно не тронутым много лет. А дверь... дверь была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, на ширину пальца, будто кто-то только что вышел и не потрудился закрыть её как следует.

Мирэль сделала шаг вперёд, и земля под ногами снова показалась ей чужой. Ей хотелось верить, что она просто не заметила этого раньше, что туман обманул её глаза. Но внутри уже шевелился ледяной червячок сомнения: а что, если не туман? Что, если это она сама начала видеть то, чего нет? Что, если ритуал уже добрался не до деревни, а до неё — и теперь он будет показывать ей то, что нужно, чтобы она осталась одна?

Она посмотрела на свои пальцы — они всё ещё сжимали гребень так, что костяшки побелели. И вдруг ей показалось, что узор на нём — Молвинец, оберег от дурного слова — чуть шевельнулся, будто пытался что-то сказать. Но слов у него не было — только холод, который становился всё сильнее. Их боги давно мертвы, а деревню заволочло туманом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.